

РѢЧЬ,

произнесенная при погребеніи высокопреосвященнаго Іоаннікія, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, первенствующаго члена Святѣйшаго Синода, скончавшагося 7 іюня 1900 г.

Предстоя гробу великаго святителя, бывшаго вѣрнымъ Господу стражемъ и правителемъ церкви Божіей, призываемый почтить память его словомъ, я подавляюсь тяжестію долга, на меня возложеннаго.

Вы ждете отъ меня достойной хвалы почившему,—этой, по выраженію святаго Григорія Богослова, должной дани, приносимой любовію и благодарностію отшедшимъ отъ насъ отцамъ, ознаменовавшимъ путь свой жизни обиліемъ благихъ дѣяній. Но я чувствую, что мое скудное слово не сможетъ сплести вѣнецъ, хотя сколько нибудь отвѣчающій тѣмъ высокимъ достоинствамъ, какія украшали священную главу почившаго. Притомъ всѣмъ вѣдомы дѣла его, прославившія его имя во всѣхъ краяхъ страны нашей, и даже далеко за предѣлами ея. Это былъ высоко поставленный свѣтильникъ, горящій и свѣтящій, и благотворный свѣтъ его всюду распространялся и всѣми былъ виденъ, и всѣ радовались въ годы свѣтенія его и прославляли Отца небеснаго, воздвигшаго намъ мужа,

именитаго силою, мудраго разумомъ, неутомимаго въ дѣланіи. Предъ нашимъ слухомъ еще не смолкли отголоски тѣхъ величаній, какія отъсюду неслись къ почившему святителю въ достопамятные дни недавняго торжества его. И время ли нынѣ повторять ихъ, когда мы собрались проводить его въ путь всея земли, и молитвенно просить Господа, да приметъ его въ царство славы своея, простивъ ему всѣ, вольныя и невольныя, прегрѣшенія?

Въ нашемъ словѣ ищетъ исхода себѣ чувство скорби, переполняющее сердца наши. и вызываемое сознаниемъ тяжести утраты, понесенной нами въ смерти іерарха, возвеличеннаго предъ всѣми въ церкви нашей. И вы, святители, предстоящіе гробу первенствовавшего между вами, разрѣшите мнѣ излить предъ вами это чувство.

Да изведутъ очи наши слезы день и ночь и да не престанутъ (Іер. XIV, 17). Поражена лютою смертію краса твоя, мать городовъ русскихъ, блиставшая на старѣйшемъ святительскомъ престолѣ. Восхищена отъ земли сила твоя, церковь російская, въ лицѣ почившаго данная тебѣ всеблагимъ и премудрымъ Промыслителемъ. Отнять отъ насъ умудренный Духомъ Божиимъ руководитель нашъ, всѣмъ намъ указывавшій правила вѣры и пути богоугодной жизни, всѣмъ дававшій образъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою (1 Тим. IV, 12). Отозванъ кормчій, поставленный у кормила церкви православной, такою твердою и мудрою рукою направлявшій теченіе корабля, ему ввѣреннаго. Кто замѣнитъ его?

Мы видѣли, какъ годы старости истощали силы его, неустанно работавшія во славу Божию, во благо церкви, и во благо паствъ, ему ввѣряемыхъ, и зная,

чѣмъ онъ былъ для церкви Божіей, усердно молили Господа, да поддержитъ Онъ его ослабѣвающія силы своею всемошною благодатію, и имѣли дерзновеніе надежды, что не тщетна, воспринята будетъ молитва наша... Но Господь судилъ иначе, и мы видимъ во гробѣ того, кто былъ нашею крѣпостію, нашею опорою и нашимъ утѣшеніемъ. Покорно подчиняясь велѣнію суда Божія, въ глубокой печали, сокрушеннымъ сердцемъ, мы дерзаемъ взывать: *Надежда Израилева, Господи, Спасителю нашъ во время скорби!... Еда будещи, якоже человекъ сляй, или аки пужь, не могій спасти? Ты же въ насъ еси, Господи, и имя Твое призвано бысть на насъ, и не забуди насъ* (Іер. XIV, 7—8). Къ Тебѣ обращаемся съ мольбами, и у Тебя просимъ утѣшенія. Воздвигни мужа благопотребнаго на осиротѣвшій святительскій престолъ, и даждь ему, да *духъ почившаго сугубъ будетъ въ немъ* (IV Цар. II, 9).

Къ общей скорби, раздѣляемой всѣми, я, признательный и преданный ученикъ почившаго, дерзаю присоединить выраженіе нашей особенной печали отъ лица служителей той школы, старѣйшимъ представителемъ которой я являюсь передъ вами. Для насъ невыразимо тяжела утрата почившаго. Съ нами почившій святитель связанъ былъ самыми крѣпкими узами, и я имѣю утѣшеніе засвидѣтельствовать предъ всѣми, что эти узы никогда не прерывались и никогда не ослабѣвали, и въ тѣ годы, когда онъ призывается былъ Промысломъ на служеніе церкви вдали отъ насъ. Получивъ воспитаніе въ нашей обители знаній, онъ, избранный первенецъ ея, ей посвятилъ свои силы въ годы крѣпости своей, и называлъ ее своею родною, своею матерію-кормилицею, и до конца дней своихъ относился къ ней съ полною любовію

и благорасположеніемъ, всегда готовый служить ей своею помощію, своими щедротами и своимъ ходатайствомъ, и мы видѣли въ немъ, восходившимъ отъ силы въ силу, ея славу и ея украшеніе. Въ послѣдніе годы Господь даровалъ намъ въ лицѣ его близкаго намъ мудраго начальника и руководителя и благодатнаго попечителя. И нужно ли упоминать предъ вами, какъ цѣнно и благотворно было для насъ его мудрое руководство? Нужно ли говорить, какою радостію и благодарностію исполняли сердца наши его истинно-отеческія заботы о насъ и его мѣропріятія, направленные къ лучшему устроенію духовныхъ училищъ? Его всегдашнее милостивое, вниманіе къ намъ ободряло насъ въ трудахъ нашихъ, и мы безъ умиленія не можемъ вспоминать, что, и при своей болѣзненной немощи, въ послѣдніе дни своей жизни, онъ стремился къ намъ, и мы съ нетерпѣніемъ ждали его, надѣясь слышать отъ него руководственные уроки мудрости. Но вотъ онъ оставилъ насъ, и уже больше не придетъ къ намъ...

Но, нѣтъ! Напрасно сказалъ я, что оставилъ насъ любившій насъ нашъ руководитель и попечитель.

Мы вѣруемъ, святителю Божій, что Ты не оставилъ и не оставишь насъ. Съ нами и надъ нами будетъ витать твой безсмертный духъ, и никогда не умретъ среди насъ память о тебѣ, и она будетъ для насъ руководящею и ободряющею силою. Мы вѣруемъ, что, и по переселеніи отъ насъ въ обители небесныя, ты не оставишь насъ и будешь ходатаемъ за насъ предъ Богомъ, которому благоугождалъ ты во время жизни своей. Благослови насъ изъ гроба незримымъ благословеніемъ духовнымъ на успѣшное продолженіе того дѣла, которое такъ близко и такъ дорого было

тебѣ. А мы, умиляемые свѣтлыми воспоминаніями о подвигѣ, тобою совершенномъ, и о твоей любви къ намъ, не престанемъ возносить горячія молитвы къ Всевышнему, да воздастъ Тебѣ вѣнецъ правды Онъ, праведный Судія. и да упокоитъ Тебя въ царствѣ славы своея.— Аминь.

В. Пивницкій.